

Народные мемуары

Полина КОНДРАТЕНКО

ГЕРМАНИЯ 2020-х В ЭПИЗОДАХ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТКИ ПО ОБМЕНУ

Пролог

Наступил 2020-й год. Просто сдвинул красное окошко календаря и пришел. А оказалось, что он наступил на горло моей «песне», сбил весь привычный жизненный уклад и вытряхнул из головы обычные надежды и ожидания. С марта по июнь мы — лингвисты-аспиранты первого года обучения — сидели на удаленке, изредка зажигая свет в окошках наскучивших видеочатов, в которые переселились все занятия. На фоне всеобщей паники по поводу ежедневной статистики заболеваемости и летальных случаев, закрытых границ и человеческой уязвимости первый год аспирантуры казался последним годом жизни всего мира. Каково же было мое удивление, когда в июле пришло письмо с результатами немецкого конкурса стипендий для молодых исследователей (я подавала на участие в нем еще в январе). Письмо, во-первых, обещало мне эту стипендию выдать, а во-вторых, рекомендовало в ближайшее время отправиться в консульство ФРГ, подать документы на визу и внимательно перечитать актуальные правила въезда в страны Шенгенского соглашения.

Предполагалось, что четыре месяца, с октября 2020-го по февраль 2021-го, я буду работать над диссертацией в университете Грайфсвальда. В этой северной точке на карте Германии мне уже случалось бывать. Память тут же нарисовала шпиль кафедрального собора над заросшей камышами рекой, вспомнилась кирпичная готика, бьющая ключом студенческая жизнь. Не всегда было понятно, это город-университет или университет-город? Теперь разыгравшееся воображение подкинуло кадры оживленных дискуссий на аспирантских семинарах и показало высокие стопки книг в библиотеке. Не все разделяет эту радость, но специалисты по иностранным языкам меня поймут — свежую литературу о языке на этом самом языке у нас найти не так-то просто. Заодно, думалось мне, можно будет наконец-то посетить соседние федеральные земли. Тут мысль услужливо добавляла в список музеи, соборы, театры, кафе и зеленые квадраты городских карт — места для задумчивых прогулок по парковым дорожкам и наблюдений за падением краснеющих листьев...

Оставалось только понять, как добраться до Грайфсвальда. Раньше в те места ходили экспрессы из Берлина. Садись на главном вокзале и через три часа ты уже на месте. Но теперь до Берлина из России не долетишь — с начала

пандемии коронавируса отменили практически все рейсы. Расписание сохранило только два рейса Москва — Франкфурт по четвергам и субботам. Франкфурт-на-Майне, само собой. Есть еще Франкфурт-на-Одере, и от него до Грайфсвальда чуть дальше, чем от Берлина, но мечтать вредно. Придется ночью лететь из Петербурга в Москву, там пересаживаться на один из рейсов до Франкfurта, а из Франкfurта восемь часов пилить на север. С тремя пересадками.

Визовые вопросы разрешились на удивление быстро. По меркам ковидного времени месяц, который ушел на обработку моих документов, не срок. Собрал чемодан, прощаюсь с родными и друзьями. И, естественно, обещаю писать. Им — потому что время беспокойное. Себе — потому что время интересное.

Франкфурт — Грайфсвальд. Бог и шайтан

Шел уже битый час пути. Холмы сгладились и стали равнинами, смесь южных акцентов прониклась берлинским уютотом (от слова *gut*, произносимого в окрестностях Шпрее не иначе как *jut*). Отсутствие обеда обернулось тоской по ужину, поезда сменились... другими поездами. «Степной волк» Германа Гессе, сунутый в рюкзак из лучших побуждений, читается однобоко, то левым, то правым оком. После первой бессонной ночи в самолете не получается открыть на текст оба глаза сразу. Всё как в сказке Валентина Катаева: либо тебе дудочка, либо кувшинчик. А тут еще вторая бессонная ночь (на этот раз в поезде). Строки автора пересобираются на ходу и, смешавшись, обесмысливаются.

На подъезде к Ангермюнде — неприветливой на вид станции, живущей под девизом «Сильный? Справишься с пересадкой за четыре минуты?» — в вагон с шумом вваливается компания мальчишек лет девяти. Они липнут к интерактивному табло, обсуждают остановки, садятся за столик, пшикают газировкой...

Я клюю носом над тетрадь, набрасывая на листе гофрированный хобот безымянного сбежавшего слона. Гессе сегодня пошел если не лесом, то точно далеко и мимо, а засыпать с карандашом опасно. Все помнят бородатый анекдот: «Какой спорт вы считаете самым опасным? — Шахматы. Уснул и упал глазом на ферзя...» На мое счастье, за соседним столиком завязывается интересный разговор.

— Ангермюнде — это имя или фамилия?

— Имя.

— А фамилия какая?

— Португалия.

— А какое имя тебе больше всего нравится?

Пока я пытаюсь открыть оба глаза (на этот раз успешно, надо же), завязывается обсуждение орфографических и орфоэпических особенностей некоторых антропонимов (уже точно антропонимов, а не топонимов). За покерфейсом здорово скрывать интерес, но расписавшийся карандаш поди скрой.

— ...Бог и шайтан.

Стоп. Когда это языковые размышления утекли в теологические?

— Не-ет, Бог и шайтан они как бы отдельно. Бог вверху, на небе, шайтан внизу, на земле.

— Знаешь, когда ты спишь, шайтан посылает тебе страшного духа. Ночью как проснешься, увидишь и...

— А вообще Бог и шайтан существуют?

— Бог существует, а вот шайтан...

— Шайтана Бог создал.

— Ага, и Америку тоже.

- Че? Как это, Америку?
- А вот так, — пацан разводит руками, — взял и создал.
- Вообще надо делать что-то хорошее для Бога, и тогда Бог будет делать добро нам.
- Какое добро?
- Ну он разрешит нам жить дальше.
- А-а... а я думал, он подарит нам игрушки.
- Ну и дурак же ты!

Поезд снова останавливается под рыжими фонарями, и мальчишки выходят на станции то ли Шведт, то ли Пазевальк. Жаль, что так быстро вышли. Без них, чувствую, Пазевальк случится у меня и на других станциях. Зашить бы рот, расшить бы глаза...

Прибытие в Грайфсвальд. Про тест

Свинью ли нам подложили или подкинули яблоко раздора, но в документе, под влияние которого мы попали, значилось следующее: при повторном отрицательном тесте на наличие ковида сроки карантина могут быть пересмотрены. Естественно, в пользу аттестованного оттестированного. Читаный-перечитаный параграф поднял в нас вторую волну обостренного желания жить, бороться за свои права и грызть печень вместо ногтей, людей и прочих слов на -ей — подумайте сами. Трое нас (Юлия, Оливия и Полина) ткнули пару ответственных знакомых, и те попытались пробить молчание местного ковидного оперштаба. Бесполезно — при наборе номера горячей линии трубка монотонно выжидающе гудит, но к телефону никто не подходит. А без телефонной записи и краткого обсуждения каждого конкретного случая на повторное тестирование не берут. Нуждающихся в тестировании целая толпа, больница одна, больничная парковка одна, палатка на парковке одна. В последней сидит единственная девушка с белой палочкой для мазков. Зато палочек много.

В разгар моих рукомахательных сеансов перед камерой (очередное репетиторство в зуме) приходит сообщение от немецкой студентки и волонтерки Алины, которая заботится о нас — иностранцах: «Сейчас с тобой свяжутся из оперштаба. Удалось до них дозвониться».

Через пару минут телефон оживает. Я сгораю вместе с ноутбуком и стулом, на котором сижу, разрываясь между представлениями об идеальном преподавателе (который не отвлекается) и осознанием потери еще не обретенной возможности распоряжаться шкурой неубитого медведя, которая ускользает в щель между ноутбуком и телефоном. Потому что нельзя сейчас взять и наступить шкуре на хвост. Не при детях же.

Перегорев, закончив занятие и сильно похудев надеждой, перезваниваю, ожидая услышать дежурные длинные гудки... но слышу голос. Приятный, не формальный и, кажется, представившийся по имени и даже по фамилии, но мои взволнованные уши ее не уловили. Выдавливая автоматическое «Kondratenko hier» («Кондратенко слушает») и хватаю карандаш. Выясняется, что мои данные были спущены (чуть ли не через столицу федеральной земли, как потом сказала Алина) в ту самую одинокую палатку на больничной парковке. Мне остается только встать с утра пораньше и к этой палатке подойти.

«Прекрасно понимаю вашу ситуацию — новый семестр уже начался. Конечно, нехорошо, да и... незачем вам так долго сидеть взаперти. В конце концов,

я и сам был студентом, так что...» — добавляет голос на том конце с ошутимой улыбкой.

Обсудив важное, благодарю, прощаюсь и шлепаю на кухню за свежей заваркой. Попутно выясняю, что временной слот для теста, обещанный Юлии, отвалился по непонятным причинам, а Оливии так и не удалось дозвониться до оперштаба — то линия занята, то сотрудники трубку не берут.

«Ну хотя бы ты раньше освободишься и выберешься отсюда», — говорят они. А в глазах читается тоска по справке об отрицательных результатах теста. Нечему радоваться.

На следующее утро не без заминок сдаю тест под ругань ожидающих пострадальцев. Очередь длинная: кто-то пришел пешком и замерз до синих рук, кто-то приехал на машине и устал ждать. В небе голосят гуси-утки — осень. Каштаны опали и растрескались. По пути на улицу Эрнста Тельмана, где мы считаем дни карантина, удалось подобрать и кинуть в карман несколько красивых орехов — бордовые, гладкие, загляденые.

День тянется медленно, вестей из палатки еще нет, но уже можно планировать, как отпраздновать результат, когда он придет. Соседки подумали и достали из чемодана красочную гирлянду. Отметить нечем, следовательно, нужно идти в магазин. Хмыкаю и озвучиваю букву закона — строки того самого постановления, которое определяет не только длительность карантина, но и штрафы за его несоблюдение. За несанкционированные прогулки по магазину тоже может прилететь.

— Но ведь первые тесты у нас всех отрицательные, — заявляет Оливия.

Она изучает юриспруденцию в Руане. Спорить с будущим юристом не получается.

Первую станцию простого маршрута мы осилили: ингредиенты для борща нашлись и болтались в сумке. Оставался торт, куда же без него. Ближайшая булочная оказалась закрыта. С грустью поглядев на торты из магазинной заморозки, наша троица осмелела, прошла квартал до аллеи Ломоносова и наткнулась на черного кота. Обыкновенный представитель семейства кошачьих, сам черный, лапки белые. Дорогу не перебежал, но наша не очень чистая совесть, похоже, сработала как магнит и притянула неприятность, которую стоило предугадать заранее.

Есть в маленьких городах известная черта — хорошая или плохая, не разберешь. Здесь все везде всё обо всех знают. Вчера, свесившись с балкона, мы мило общались с Рубеном — это мой старый знакомый по переписке из университетского международного отдела. А сегодня наблюдаем, как Рубен (откуда он взялся?) паркует велосипед перед крупным продуктовым магазином, на который мы уже нацелились. Подсматривать пришлось из-за дверей отделения какого-то банка, в который нас сдуло, как только стало ясно, кто на горизонте.

В магазине дружно сливаемся с полками алкогольного отдела, успеваем изучить добрый десяток произведенных из автохтонных сортов лозы вин (сюда Рубен вряд ли заглянет), берем бутылку «Грюнер Вельтлинер», находим злополучный торт и осторожно скользим к кассе. Вроде бы чисто, облегченно выдыхаем в маски.

На парковке выуживаю из сумки телефон и обнаруживаю, что нас раскрыли. Дворами пробираемся к общежитию и, пока завариваем чай на кухне, слушаем возмущенную речь нашего руанского юриста про нарушение конституционных прав и свобод. Сочувственно киваю (возмущение по поводу конституционных прав и свобод — пройденный период, весной 2020 года мы бурно переболели

этими настроениями). Параллельно пишу сообщение Рубену, в котором обещаю прочесть дамам последнее мекленбургское постановление насчет карантина. Вслух, с переводом на английский и русский. Кстати, в одной из версий это постановление насчитывает восемьдесят одну страницу. Конечно, мы читаем его от корки до корки. Мы вообще девушки серьезные.

В какой-то момент Рубен выкупил иронию, и мы сошлись на том, что у давних знакомых могут быть свои тайны. Теперь можно было открыть окно, протащить через него на балкон кухонные стулья, нарезать торт, разлить вино, выкинуть лишние мысли из головы и начать судорожно обновлять интернет-страницу с результатами теста. Снова позвонил приятный голос, с которым мы общались ранее. Он уверенно предположил, что результаты придут к девяти вечера и доверительно пожаловался на то, что официальный рабочий день уже закончился, а фактическая работа — еще нет. Искренне посочувствовав собеседнику и успокоившись после очередного обновления страницы, возвращаюсь на балкон — салютовать бокалом автотранспорту, ловить в стекло фонарные блики и неторопливо разговаривать о жизни. Слишком хорошо, чтобы длиться долго.

Так и оказалось. Вечер «перестал быть томным», когда в своем неумеренном энтузиазме Рубен накопил информацию, что никому из нас нельзя переступить порог карантинной квартиры, пока у всех проживающих на руках не окажется отрицательного теста. Сначала мы скисли, потом провели панельную (в силу особенностей архитектуры дома) дискуссию.

Следующее утро закольцевало композицию последних дней и вернуло нас в ту точку, когда пришлось подключать еще пару ответственных знакомых, чтобы всем вместе повиснуть на линии оперштаба. На этом беспокойства не кончились — в коридоре показался долговязый завхоз нашего общежития, открыл четвертую (последнюю) комнату в блоке и принялся в ней шуршать. Мы высыпались из кухни и выяснили, что к нам на карантин поделят еще одного студента.

— Получается, как только кончатся наши две недели, мы сядем еще на две? — пытаюсь подобрать слова так, чтобы не звучать совсем отчаянно. — Нам ведь придется дожидаться счастливого момента, когда у всех соседей окажется отрицательный тест на руках.

— Теоретически да. — Завхоз выползает из-под кровати и, выпрямившись, вырастает до потолка. — Но я вас все равно вышвырну раньше. В ноябре у меня новые договоры на эти комнаты.

Задерганные новостями и короткими гудками телефона (линия оперштаба занята), мы по стенке перебираемся обратно в кухню и печально завариваем еще по пакетику чая. В домофон позвонила Алина, принесла продукты. В коридоре ее осенило:

— А почему бы не попробовать позвонить на тот номер, который нам уже звонил?

Оливия вернулась из комнаты с телефоном, и на шестом гудке трубку снял... Кто бы вы подумали? Герцог Мекленбургский. Тот самый приятный голос, тоже когда-то был студентом, а теперь работает допоздна, несмотря на то, что рабочий день заканчивается всегда вовремя. И да, этот номер личный, лучше звонить на рабочий. У вас нет рабочего? Минуточку... Да, последние цифры — 6 и 4, все верно. Документы можно прислать коллеге, вот его мейл. Завтра у герцога выходной, но коллега будет на месте. Да, можно прийти к 10:00, назвать номер страховки и сделать повторный тест.

Стоит ли говорить о том, что через день мы снова наблюдали с балкона, как зажигаются фонари и звезды? Стулья второй раз попросились гулять, на подоконнике опять нарисовались бутылка с жидкостью соломенного цвета и праздничный торт. Тесты оказались отрицательными.

Таким манером мы доползли до субботы. Вечером словили чемоданное настроение, обсуждая детали переезда на постоянное (не карантинное) место жительства. Переезд планировался со скрипом, зато на столе был марципановый штollen раньше Рождества. Под какао очень даже ничего.

Но что это за звук? В замочной скважине повернулся ключ. Похоже, бежать за масками в комнаты поздно. Вероятно, образовавшаяся на пороге незнакомка подумала то же самое.

— English, — то ли спросила, то ли авторитарно предложила она, прикрывая рот ладонью.

Мы хлопнули глазами — не в ответ, а чтобы проверить, не померещилось ли.

— Я помогаю одной студентке по обмену, — торопливо пояснила гостья, — и хотела бы сделать пару кадров обстановки, чтобы послать фотографии.

Сказала — и прошмыгнула в коридор. Следуем за ней.

— Когда приезжает ваша студентка? — интересуемся мы.

— Через два-три дня, что-то такое. — Гостья неловко отводит взгляд.

За ее спиной вырастает молодой человек, глаза в пол. Откуда взялся?
— Понимаете, если она приедет со дня на день, то мы вряд ли отсюда выйдем. Ведь нам придется ждать, пока у всех на руках будет отрицательный тест...

«Двое из ларца» виновато улыбаются и вылетают на лестницу со словами:

— Have a nice weekend!¹

— Gleichfalls!² — парировали мы.

Ошалело переглядываемся. Вот жизнь! Все упирается в тест. Благо вчерашним днем карантин для студентов официально отменили.

Выученная бездомность

После переезда на новые квартиры, точнее в общежитие, с новыми соседями мы не ужились. Я обычно тихо сижу, а они партийные от слова *party*³. Соберутся пачкой на кухне, включают колонку, залипнут на какой-то видеофутаж и ржут. Выхожу из комнаты — ржут. Захожу — аналогично. Каждую среду одно и то же. Иногда к средам пристегиваются вторники, как на этой неделе. Тогда всташь со скрипучего стула — глаза в кучку, губы в ниточку — и начинаешь отжиматься от пола, лишь бы от злости на стенку не полезть. Ржание заглушает даже непонятную муху или осу. Она, почуяв горящую свечу (такая розовая ерунда с ядреным запахом), влетела вечером в окно и жужжит то в потолочной лампе, то у меня над ухом. Если не можешь выносить ситуацию, выноси из ситуации себя, думаю я, и вылезая бочком из комнаты, стараясь не снести этажерку с крупами и стопки невымытых тарелок. Хлопаю входной дверью и с ужасом представляю, как через несколько часов придется снова бороться за пространство с группой незнакомых, несознательных и нестерпимо громких людей, из-за которых ковидничать не хочется.

На улице туман, пронизывающий ветер и морозно-тепловозный дух — как будто закинули угля в топку. Щиплет ноздри, кусает уши. Въежившись в

¹ Хороших выходных! (англ.)

² И тебе того же! (нем.)

³ Вечеринка (англ.).

Так выглядело наше общежитие

воротник, дохожу до все еще открытой пекарни, спрашиваю улитку со штрейзелем. Улитка, как ей положено, ползет медленно. Подгоняю ее кофе, то и дело опуская стаканчик на скамейку напротив памятника университетским отцам-основателям. На скамейке крест-накрест наклеен пластырь — это был бы красивый знак, но я не умею его читать. Стою и почти бездумно растягиваю момент собственной бездомности, дышу плоским пробником мужского парфюма с шарфа — достался за просто так, претенциозен и пуст, но носить его бывает полезно: на пару часов хотя бы отбиваешься от себя, вроде как водишь себя за нос.

На брусчатке у денерной лежит монетка, бросаю ее в кошелек. На прошлой неделе похожая монетка выпадала из моего кошелька: неизвестный бегун в старых японских кроссовках, похожий на одного венского клавишника, не рассчитал денег на пиво и выложил кассиру сумму за жидкое содержимое, забыв про залог за тару. Атлетам в японских кроссах надо помогать, особенно если просят — они свои. Такие жесты мне по зубам. Обрываю мысль, выхожу на улицу Гуннов к библиотеке. Конец бездомности, живем и работаем.

Скорбные элегии и письма с Понта

Есть такое немецкое «Авито» — Ebay Kleinanzeigen. Местный филиал лавки древностей разворачивает свою самобранку прямо у вас дома, ввалившись через открытое окно в браузер. Вот они — плюсы перевода всего нужного и ненужного в цифру, думаю я, в очередной раз забывая в строку поисковика известный адрес и надеясь на чудо. Чудо не заставило себя долго ждать: в разделе «Verschenken & Tauschen» («Отдам даром & обменяю») господин Лоренц, проживающий на Вулканштрассе, отдает коробку учебной литературы по греческому (не древне-, а ново-, как раз то, что нужно мне для учебы) языку. Некоторые пособия из коробки мне давно хотелось положить себе под руку в бумажном виде — до принтера здесь шагать и шагать, за печать платить и платить, а от компьютерного экрана под вечер глаза болят так, как будто они не скользили по буквам, а толкали их. Как те коварные двери, которые то ли расположением ручки, то ли профилем приглашают открывать их «от себя», в то время как сами открываются «на».

Из-за обилия автомастерских Вулканштрассе ассоциируется с Гефестом. Непременно в рабочем комбинезоне, с гаечным ключом в пупырчатой монтажной перчатке и лицом мостостроителя под шапкой рыбака. Несмотря на гаражи и шины, район вокруг Вулканштрассе, что называется, «вкусный»: в русле простой, но добротной застройки текут улицы, набившие мне оскомину в прошлый приезд, — шутка ли, каждый день морозить на них уши, катясь на ранний семинар! Теперь эти улицы тянут из памяти солнечные кадры, кажется, даже отснятые не мной, довоенные, втиснутые в уголки, нарезанные из открыток.

Шагается хорошо. На ходу рисую себе портрет хозяина отдаваемых даром книг — еще одно развлечение досужего наблюдателя, заменившее мне петербургские кофейные штудии и укрепившее зависимость от интернет-барахолки (αἰὼν, αἰὼν! — увы, увы!). Квартира на Вулканштрассе, имя и фамилия Герхард Лоренц. Вероятно, ежегодный отпуск на греческих островах Кефалония, Корфу, Крит, полуостров Кассандра, Халкидики. За ним выплывают пособия и словари — желтые Лангеншайдты и зеленые Понсы. В сумме эти характеристики дают... заслуженного пенсионера.

Без пяти минут десять жму кнопку напротив нужной фамилии и, «замаскировавшись», лечу вверх по лестнице на коврик квартиры на третьем этаже (по нашим понятиям, на четвертом — цокольный этаж в Германии первым не считается). Дверь открывает дедушка, и мое предположение подтверждается. Пока я рассматриваю содержимое коробки с книгами, господин Лоренц интересуется, для чего они мне и как я дошла до жизни такой. Выясняется, что наши языковые поиски похожи: клубочек заматался на греческих островах. «Мы ездили отдыхать в Грецию каждый год, на протяжении двадцати лет, — рассказывает Лоренц, — потом в какой-то момент решили учить язык... жена решила. Да, в книгах кое-где остались ее карандашные пометки». «Это ничего», — отзываюсь я, но чувствую, что в плотно сплетенную корзинку ребер просыпалась плохо вытряхиваемая грусть. За греко-немецкими графитовыми глоссами в пособии «Άκου να δεῖς» («Послушай-ка!») мелькнул женский профиль... или мне показалось? Взгляд упал на стопку осиротевших журналов «Лиза» или что-то в этом роде: лежат, номер к номеру, смирились с переходом в другие руки. «Для кассет вам, конечно, понадобится проигрыватель... ну, найдете, наверное. Вы же сможете донести коробку?»

Смогу, конечно. Сначала через железнодорожную ветку. Потом, если получится, через границу. Перевес перевесом, но пока руки не перестают тянуться к страницам. Особенно к тем, по которым прошлись искатели до меня, обронив ключи-отгадки в (не)случайных местах. Я ведь подберу — с детства все подбираю и тащу, зря взрослые ругались.

Разгрузив коробку в центре общежитской комнаты и расхлопнув ноутбук, нахожу в профиле на Kleinanzeigen новое сообщение от господина Лоренца. Он желает мне всяческих успехов в изучении греческого, оставляет контакт учителя жены и свой мобильный номер. Это неожиданно, трогательно и... невесело. Сижу на полу среди мягких и твердых переплетов — грустная русская девочка, «изучает культуру одной страны, сидя в другой, родившись в третьей, и при этом не поет», как отметил на днях один мой товарищ. Все не так. Поет. Вернее, смахивает слезку.

Грайфсвальд — Франкфурт. Арми из Армении

— Когда брала билеты на ночные поезда, не думала, что будет такая толпа, — говорю случайному спутнику, сопровождающему меня (скорее, мой чемодан) на пути от перрона 15 до перрона 7 в Нюрнберге.

— И я не думал, — отвечает он, глядя на меня снизу вверх (к счастью, на главном вокзале Нюрнберга исправные эскалаторы), — а еще не думал, что попутчики окажутся такими громкими.

— И щедрыми на крепкое слово.

— А что он говорил? Я мало того, что в наушниках сидел, так еще и без линз.

— Он сказал: «Я отрежу тебе голову и засуну твой сраный телефон тебе в жопу».

— А... точно, было такое.

И не такое было. Я закопалась в бумажках и не заметила, как в нашем поезде появился этот громкий персонаж. Точно после Лейпцига. Этот город был перелистан к моменту, когда на соседний ряд кресел грузно опустилось черное пальто и громогласно обозначило начало разговора:

— Извиняюсь!

Отрываю голову от кривых пунктирчиков — перевожу блокадных авторов на немецкий — (пять стоп, шесть стоп, пять стоп, шесть... стоп!) и наблюдаю в метре от себя огромное бульдожье лицо. Мозолистые пальцы, выпущенные из фланелевых манжет в клеточку, вертят зажигалку.

— Извиняюсь! Не знаете что? Вена, Мюнхен?..

— Поезд идет до Вены, — говорю.

— Знаю. Что сейчас?

— Был Лейпциг, а дальше... не помню. Не слезу, если честно.

— Лейпциг знаю. А что сейчас?

Пожимаю плечами. Собеседник не отстает:

— Первый раз подбираюсь не на машине. Права... того, купил билет, первый класс, там никого нет. Тебя как зовут?

— Лина.

На две трети меня действительно так зовут.

Дальше черное пальто пускается в непрозрачный экскурс о польских поддельных визах, их стоимости и разновидностях. Потом неожиданно прерывается и спрашивает:

— Муж есть?

«Никогда такого не было — и вот опять!» — думаю я, вставая в кресло и судорожно прикидывая, куда деваться, если вдруг что.

— Только не говори, что мусульманин! — угрожающе звучит собеседник, и меня настигает когнитивный диссонанс. Интонации восточные, говорит нареспев, а отрывистый, взрывающийся в ухе «к» произносит как будто поглубже, горлом.

— Нет, — хмурю лоб, — не мусульманин.

Собеседнику полегчало, он встает с кресла, подпирает спиной пластмассовое округление туалетной стены и выдает:

— Детей сколько?

— Нет у меня детей.

— Потом будут. Два-три, да? Роды своему католику три — шесть, и тогда вся страна будет ваша.

Бесполезно разубеждать человека, доказывая, что страна не моя и католики здесь ни при чем. Впрочем, со стороны это все «сорта», как говорится.

Раз пять извиняюсь и демонстративно упираюсь глазами в тексты. После очередного извинения странный собеседник несколько раз повторяет «работа, деньги, все ради денег», затихает и исчезает из виду. В туалете щелкает зажигалка.

После продолжительной круговой прогулки по двум этажам вагона второго класса (в первом никого нет, скучно) черное пальто умудряется повздорить с каким-то парнем. Тот говорит по-английски, а наш герой английского не знает. Ладно бы только это. Пострадавший, недолго думая, извлекает смартфон и начинает снимать происходящее на камеру. Читая одну и ту же строчку перевода по нескольку раз, медленно поднимаю челюсть с пола. Кроме реплик про засовывание телефона в причинные и беспричинные места, про то, кто, кого и в какой проекции любит, слышится закрученная тирада, состоящая из ядерного русского мата.

На этой волне мне вспоминается один гамбургский персонаж. Он подсел ко мне на автобусной остановке в Альтоне, начал разговор по-немецки, а потом назвал Тamarой (откуда он мог знать, что родители меня так чуть не...) и неожиданно выдал русскую матерщину. Стало не по себе.

В пять утра выхожу в Нюрнберге, чтобы пересесть на следующий поезд до Франкфурта-на-Майне. Ночной нарушитель спокойствия помогает мне вытянуть багаж в тамбур. Усиленно отнекиваюсь, хорошо понимая — это склад кастрюль и словарей, а не багаж. Помощник упирает на то, что дамам надо жалеть себя, и по ходу дела бодро сообщает, что зовут его Армен. Арми из Армении, супруга немка из Дортмунда, живут с детьми в Вене.

— Сраная Вена, почему так далеко?

— Красивая Вена, — возражаю, прокручивая в голове первые такты доназублау («Голубой Дунай» Штрауса).

Арми на днях исполнилось пятьдесят, а еще он недавно вернулся с войны. Он уже старый, чтобы воевать. Вся война из-за денег. Дочь спрашивает, зачем воевать.

— Но Армения моя страна. Германия тоже моя страна. В Германии нет войны, а в Армении война, значит, надо воевать, — заключает равнодушный собеседник.

Глубоко вздыхаю. Двери открываются, Арми спускает мой чемодан на платформу и прощается:

— Хорошо тебе доехать, сестра!

— И тебе, — бывает проще на «ты», — хорошей поездки, — говорю я.

Из нашего вагона выходит молодой человек в черном, Армен останавливает его и выдает:

— Брат, ты католик, и я католик, помоги сестре-католичке! Ей тяжело. Не сможешь, я выйду из поезда и помогу. Но у меня жена в Вене, надо ехать.

Храни тебя Господь, Арми из Армении!

Эпилог

— И это все? — удивляется моя одноклассница, с которой мы встретились по возвращении. После учебы мы идем в булочную на Большом проспекте Васильевского острова, берем кофе, и я в красках пересказываю странные немецкие впечатления.

— Все, — вздыхаю я. — А что мне оставалось? Смотри, простая арифметика: первого октября я приехала, восьмого числа, в четверг, сдала повторный тест, на выходных меня выпустили из карантина. Пару недель все вроде шло по плану — начался аспирантский семинар в университете, я наконец-то дорвалась до библиотеки и набрала себе книг на все свободные вечера. Да что я все о книгах... встретились со старыми знакомыми, даже в театр один раз — целый один раз! — удалось сходить. А потом...

— А что потом?

— Новая вирусная волна. Первого ноября всю страну посадили по домам. В ноябре было еще терпимо — библиотека держалась до последнего. Там хотя бы можно было спастись от раздражающих соседей. Но в начале декабря закрыли и библиотеку. По другим городам тоже особо не поездишь. Не думаю, что пассажиров строго проверяли, но мне было неловко кататься туда-сюда без серьезной причины — не по работе же путешествую. Вот и куковала в общежитии над материалами к диссертации (хорошо, что у грайфсвальдской библиотеки большой онлайн-каталог!) и пыталась продвинуться в изучении греческого. Помнишь, я начала учить его в августе?

— Точно, еще до твоего отъезда.

— Угу. Кстати, про отъезд. В конце января мне уже нужно было возвращаться в Россию, а карантин так и не сняли. Новые рейсы не пустили, а я так надеялась, что можно будет полететь через Берлин! Увы, пришлось снова потратить восемь часов на дорогу с севера на юг, чтобы из Франкфурта вылететь домой. И снова не спать из-за ночной пересадки в Шереметьеве на Пулково. Вот и получилось в сухом остатке, что, кроме четырех суток дороги туда-обратно, плясок вокруг ковидного теста и попыток хоть как-то пообщаться с местными (хотя бы через их версию «Авито»), ничего интересного не вспоминается.

— Значит, учебы толком не было, новых контактов тоже, про поездки вообще молчу... — подытоживает одноклассница, поддев ложкой кофейную пенку. — Да уж... Но по диссертации-то тебе удалось что-то сделать?

— Удалось, — киваю я, — хотя тоже скорее не благодаря стажировке, а вопреки. Завтра на семинаре расскажу.